

Мое военное детство

Граждане, воздушная тревога!

«Папа, а что такое война?» — «Ну это когда папы сначала уйдут, а потом придут и принесут подарки». И мне представляется громадный красивый дом, папы идут через какие-то стеклянные двери... Мне четыре года...

А вскоре мы с мамой проводим папу на фронт со Всполья. Отец вернулся быстро. Оказалось, что он очень необходим заводу. Папа работал тогда то ли мастером, то ли начальником смены на механическом заводе (ныне завод опытных машин). Дома мы его почти не видели: он все время находился на производстве, прибегал лишь в бомбежки. Помню, мама плакала, что у него ужасно опухшие ноги, они между собой говорили, что от недоедания.

На долгие годы запомнились позывные по радио на мотив «Широка страна моя родная...», сопровождаемые объявлением «Граждане, в городе объявлена воздушная тревога». Это так врезалось в память, что и после войны несколько лет я не могла без содрогания слушать эту мелодию. Правда, чаще бывало, что объявляли отбой тревоги, наверное, бомбили где-то далеко от нас. Уже тогда у меня возникли вопросы к родителям: почему, когда объявляют тревогу, говорят слово «граждане», а когда рассказывают о взятии какого-нибудь города, слово «товарищи»?

Ты не смотри, не смотри...

В те годы в Ярославле были два больших массива бараков по обе стороны от насыпи, ведущей на железнодорожный мост через Волгу. Часть бараков располагалась в районе нынешнего начала Полушкиной Роши (там сейчас расположена библиотека госуниверситета им. П.Г. Демидова), а вторая часть занимала пространство между насыпью и проспектом Шмидта (ныне проспект Ленина). Мы жили в первой части бараков.

Окно нашей комнаты выходило прямо на забор Резинкомбината, так тогда назывался комплекс заводов: шинного, механического, асбестового, кордной фабрики. В первую бомбежку прибежал папа, мы легли на пол, страшный гул от самолетов и зарево от пожаров такое, что светло, как днем. Полыхал шинный завод. Был массированный налет, самолетов — десятки (взрослые потом говорили о трехстах), они пытались разбомбить мост через Волгу. Как потом выяснилось, мост защищали всего несколько зениток, говорили, что нем-

Поколение второй половины тридцатых и начала сороковых годов — это люди, про которых можно было бы сказать, что они войны не знают. В действительности война прошла через многих из них, даже тех, кто не оказался на оккупированных территориях, в блокаде, не потерял отца или мать. Мои воспоминания о войне — отдельные моменты из детских впечатлений, отдельные штрихи и зарубочки в памяти...

цы хозяйничали как хотели, и удивлялись даже, что нашим все-таки удалось мост отстоять. В эту бомбежку я видела спускающегося на заводскую территорию парашютиста, наверное, кого-то удалось подбить. Было лето, скорее всего, июнь 43-го.

Вскоре — второй массированный налет. После объявления тревоги мы перебежали через насыпь в так называемое бомбоубежище. Это обычный подвал одного из домов в начале проспекта (немного по диагонали от современного здания ЦНТИ, сейчас, наверное, это дом № 3). Во дворе стоит такой же четырехэтажный дом (сейчас дом № 5). В подвале народу было столько, что все стояли почти вплотную друг к другу. Когда где-то поблизости раздавался взрыв, лампочка на потолке гасла и поднимался ужасный крик. Если бы бомба попала в этот дом, то была бы большая братская могила, но бомба угодила в дом во дворе, прошила все четыре этажа и, удивительно, не взорвалась.

В эту бомбежку самолетам пробиться близко к мосту уже не удалось, его здорово защищали. Фашисты побросали бомбы в основном на бараки: те, что у проспекта, сгорели, другие — по другую сторону от насыпи — тоже пострадали. Нашу комнату разбомбили. Тогда впервые увидела я сгоревших людей. Когда возвращались после бомбежки к

нашему барачу, смотрю: какие-то большие черные скорчившиеся существа. Спрашиваю маму: «А что это такое?» А она мне: «Ты не смотри, не смотри». И тут до меня дошло...

В первый же день после бомбежки нас привели в коммунальную квартиру дома напротив детского парка. У женщины с мальчиком были две проходные комнаты. Тете Лиде предложили: «Выбирай, либо у тебя большая комната, но зато они (то есть мы) будут ходить через твою, либо ты выбираешь маленькую и будешь ходить через них».

С мечтой о хлебе с маслом

После бомбежки мы ходили по проспекту, смотрели повреждения. Помню разбитую арку дома № 11 (угловой дом около памятника Ленину): одна часть арки и какой-то комнаты остались и там на самом краешке второго или третьего этажа стоял рояль. А еще помню кисть и часть руки с голубым обшлагом от рубашки, застрявшую на ветке дерева...

О нашей еде. Помню редкие счастливые дни, когда тетя, сестра мамы, приносила мне кусочки омлета размером примерно 3 на 4 сантиметра, сделанного из яичного порошка, присылаемого нам из США по лендлизу (по-моему, за лендлиз наша страна расплачивалась с Аме-

рикой еще несколько лет после окончания войны). Такие кусочки омлета иногда выдавали работницам на кордной фабрике, а тетя приносила их мне. Моей несбыточной мечтой был белый хлеб с маслом и песком. Наверное, его давали мне до войны, потому что «лакомство» так и запомнилось. Крошки хлеба со стола я не выбрасывала много лет после войны, а недоеденный черный хлеб до сих пор не могу оставлять: или не начинаю кусок, или доем — это уже навсегда.

Еще эпизод. Несколько раз, еще до двух бомбежек, мама собирала дома какие-то тряпочные вещи и уходила пешком в деревню менять их на картошку. Ходили они вдвоем с одной женщиной, шли много километров и безмерно уставали. Один раз папе на заводе кто-то сказал, что видел его жену лежащей без сил недалеко от насыпи. Отец побежал, поднял ее и привел домой. Можно только удивляться, но картошку у нее никто не отобрал. Кстати, оладьи из картофельных очисток, как я помню, мы ели только один раз, и они показались мне горькими.

Чужого не брать!

Карточки на продукты были до 47-го года. Не помню точно, в каком году, думаю, что летом 45-го я пошла в магазин прикреплять карточ-

ки на месяц. Я уже считалась большой — перешла во второй класс. Стою в магазине в очереди за оформлением, карточки на всю семью аккуратно держу в руке. Подходит мальчишка с вороной в руке: «Хочешь подержать?» — «Хочу, но у меня карточки». — «Так давай я их подержу». Птицу подержала, взяла назад пакетик с карточками. Прибегает в магазин мама, выясняет, где моя очередь и берет карточки, а там — пустые бумажки. Так на целый предстоящий месяц семья осталась без питания. Живите как хотите... Директор завода вызвал папу, дал ему карточки на маму и меня, только по сниженной норме, а затем сказал: «Тебе не дам, чтобы впредь такого в твоей семье не случилось».

На газонах на проспекте были огороды под картошку, а во дворах домов сажали огурцы. С ними связан тот единственный случай, когда меня сильно выпорола мама скрученными веревками за мое участие в краже чужих огурцов. Урок на всю жизнь — чужого не брать.

Разве это можно забыть?

В 44-м году я пошла в школу. Тогда впервые стали принимать с семи, а не с восьми лет, и впервые школы разделились на женские и мужские. Так они просуществовали 10 лет: все десять лет я проучилась в женской школе № 37. Для тетрадок и книг мама сшила мне сумку из какого-то прорезиненного материала и купила чернильницу-непроливайку. Тетради в косую линейку в основном были, но все-таки помню одну тетрадь, сшитую из листов газеты. Наверное, это был какой-то черновик для прописей.

В школе некоторым детям в начальных классах выдавали бесплатные завтраки. Список таких детей составляла учительница. Я, как правило, таких завтраков не получала, думаю, потому, что у нас в семье был папа.

И, конечно, я помню 9 Мая. Со дня на день несколько дней подряд мы ждем по радио объявления о конце войны. И хотя я уже заканчиваю первый класс и считаюсь вполне взрослой, утром при объявлении конца войны, по-моему, это было где-то в районе пяти часов, мне разрешают скакать на кровати. Наша комната угловая на четвертом этаже, поэтому я хорошо вижу, как люди выбегают из домов, обнимаются, целуются. Вся дорога заполнена народом, люди начинают плясать — всеобъемлющая радость. Разве это можно забыть?!

Валентина КУЗНЕЦОВА,
лауреат
государственной премии

1-й класс. Валя слева во 2-м ряду.